

Птица Гаруда

От «Вед» к «Панчатанатре»

Взял мудрый певец Кашьяпу в жены двух прекраснок-рылых сестер Кадру и Винату, надеясь, что в его доме будет мир. Но он просчитался. Сестры завидовали друг другу и враждовали. От этой домашней вражды проистекло для мира немало бед.

Однажды Вината снесла два больших круглых яйца и, чтобы они не высохли и не протухли, положила их в воду. Кадра же снесла тысячу мелких яиц и также положила их в воду. Из яиц Кадры через пятьсот лет вылупились змеи, тысяча змей, блиставших жемчужным нарядом, шипящих и скользких отродий, вооруженных острыми зубами и ядовитыми жалами.

Яйца же Винаты лежали, как неживые. Проявив свойственное женщине нетерпение, она разбила одно из яиц и к ужасу своему увидела, что первенец, которому она заранее дала имя Аруна¹, недоношен. У него было прекрасное лицо, широкая грудь и сильные руки, но тонкие кривые ноги. Высунувшись из скорлупы, Аруна вскрикнул в ужасе:

— Что ты наделала, мать! Быть тебе теперь рабыней своей сестры.

Несчастливая, услышав это, залилась слезами.

— Не плачь! — утешил ее недоносок. — Еще не все пропало! Только не повтори ошибки. Дай второму яйцу созреть еще полтысячи лет.

Набравшись терпения, стала Вината ждать, когда вылупится второй птенец, на которого возлагала все надежды. Кадра же, занятая своими копошащимися детьми, не обращала на сестру внимания.

Но однажды мимо сестер промелькнул в сторону Океана божественный конь, тот самый, что вышел из пены, когда боги взбивали амриту. Повернув головы, сестры восхищенно смотрели ему вслед.

— Скажи, сестра, — промолвила коварная Кадра, — какого цвета этот четвероногий красавец?

— Ты еще спрашиваешь! — отозвалась Вината. — Белый, как молоко.

— Белый, — согласилась Кадра. — Но не весь. У него развивается пышный черный хвост.

— Нет, — возразила Вината. — Хвост у него того же цвета, как он сам.

— Нет, черный! — сказала Кадра.

— Нет, белый! — сказала Вината.

— Давай поспорим! — проговорила Кадра. — Пойдем утром к Океану и проверим, кто прав, а кто ошибся. Та, кто ошибется, будет рабыней у той, кто окажется правой.

— Я согласна, — сказала Вината, разумеется, не потому, что намеревалась сделать сестру своей рабыней. Ей просто хотелось доказать свою правоту.

Оставшись наедине с детьми, Кадра обратилась к сыновьям и дочерям с такими словами:

— Дети мои! От вас зависит, будет ли ваша мать рабыней или останется свободной. Если вы хотите помочь вашей матери, вплетитесь в белый хвост скакуна, когда он на заре пронесется мимо вас к Океану.

Отказались змеи превращать белое в черное. Возмутилась Кадра и обрушила на них слова проклятия:

— Да погибнете вы все, непослушные! Пусть вас спалит огонь!

Но среди тысячи всегда отыщется несколько десятков трусливых и криводушных, готовых потакать злу и обману.

Как только на Востоке поднялся краешек Сурьи, сестры пустились в полет, чтобы разрешить свой спор. Вот перед ними открылся извечный Океан, омывающий сушу. Полный безумного неистовства, он плясал, вскидывая белые руки волн. Над ними, едва их не касаясь, носились черно-клювые птицы. Но вот показался и конь. Был он белым, как молоко, но развевавшийся хвост испещряли черные полосы от змей, последовавших коварному призыву Кадры.

— Хвост черный! — ликующе прокаркала Кадра. — Теперь ты, сестра, — моя рабыня. Теперь моя воля для тебя закон.

Горька и унижительна рабская доля. Век за веком прислуживала Вината Кадре и ее копошащемуся и шипящему отродью, умело скрывая в глазах блеск ненависти, а надежду в сердце. «Если сбылось одно предсказание моего первенца, — думала она, — сбудется другое, и у меня родится сын-освободитель». При этой мысли быстрее текла по жилам кровь, сильнее билось сердце, и она его успокаивала: «Терпение! Терпение!»

Но вот и пришло предназначенное время и свершилось предсказанное. Яйцо в сосуде с водой дрогнуло от удара изнутри и расколосось от удара клювом. На свет появился мощный птенец и с криком, в котором слышалось: «Гаруда! Гаруда!», — взмыл ввысь. Он рос с каждым взмахом крыльев и вскоре заполнил своим сверкающим телом полнеба. Боги, не знавшие имени птицы, приняли ее за Агни и восславили как олицетворение солнца.

— Гаруда! Гаруда! — шептала Винату одними губами, следя за тем, как птенец набирает силу. — Сын мой, освободитель.

Гаруда начал с того, что поднял на крыльях своего брата Аруну и высадил на жемчужную колесницу бога солнца Сурьи, и он стал ее возничим. С тех пор Аруна, не опускаясь на землю, объезжает на конях дневное небо, скрываясь ночью в Океане. Но виден он лишь на заре, когда занимается денница.

От крыльев Гаруды исходил такой жар², что все змеи попрятались в норы, звери же, чтобы спастись, забрались в пещеры или залезли по шею в воду.

Полагая, что жар исходит от Агни, они обратились к нему:

О, пламенный Агни, всевидящим взглядом

Следящий за жертвенным каждым обрядом.

Ты в каждом живом существе обитаешь,

Зачем же ты нас, словно жертву, сжигаешь?

От сильного жара теряем дыханье.

Не вынести нам твоего полыханья.

И с неба слышался голос дружественного всему живому Агни:

Не я ваших бед и несчастий виновник,
Исходит то пламя от крыльев огромных,
Богам не подвластны той птицы причуды.

А имя ее, чтоб вы знали, Гаруда.

И обратились все твари к Гаруде с молитвой:

О, царь благородный пернатого царства,

Живи, и над миром подсолнечным властвуй,

И правду вещай нам с небесного трона.

Подумай, зачем тебе мир опаленный?

Умерь свои силы, великий Гаруда.

Яви превращенья великое чудо.

К этой мольбе присоединился и голос Винаты: — О, сын мой крылатый!
Десять веков я ожидала тебя не для того, чтобы видеть, как ты безрассудно
губишь все живое. Знай же, что в мире существует добро и зло. Так будь же
бескорыстным защитником добра и сделайся беспощадным врагом зла.

Услышав материнские слова, Гаруда стал в десять раз меньше и во столько
же раз умерил свою мощь. Так он впервые показал, что способен на любое
превращение. Под ликование всего живого, обретшего дыхание, он облетел
мир, направляясь туда, где в тягостном рабстве влачила века его мать
Вината.

Коварная Кадра, узнав, что у сестры родился могучий сын, решила этим
воспользоваться.

— Сестра, — обратилась она к Винате, властно сверкая глазами. — Перенеси
меня на остров, что в Океане. Пусть он будет моим владеньем. Сын же твой
пусть доставит туда же моих детей.

Вината послушно взяла Кадру на спину и полетела знакомой дорогой к
Океану. Гаруда, слышавший приказание тетки, взвалил на крылья всех
своих шипящих двоюродных братцев. Однако, вспомнив слова матери о

беспощадности ко злу, он решил разом избавить мир от ядовитого семени.

Все выше и выше поднимался к солнцу могучий Гаруда. Змеи поначалу трепыхались на его крыльях, но, чем ближе становилось солнце, тем они становились более вялыми и вскоре впали в полное бесчувствие.

Оглянулась Кадра и, увидев Гаруду поднимающимся к солнцу, поняла его намерения. И решила она спасти потомство, хотя и проклятое ею, но все же близкое материнскому сердцу. Она обратилась к Индре с мольбой:

Хвала тебе, Индра, тучегонитель,

Миров созидатель и разрушитель.

Ты миг, ты минута, ты день бесконечный,

Ты светоч, ты чудо, ты лучший из вечных.

Для чад моих бедных, палимых жестоко,

Спасителем сделайся, водным потоком.

И покрыл тогда Индра все небо громадами синих туч. И вступили они между собою в брань, грохоча, стали изливать воду, так что казалось, будто разверзлось небо. И была спасена земля и вместе с нею ползучее отродье Кадры. Так Кадра и ее сыновья благополучно переместились на остров в Океане, который с тех пор стал называться островом Змей.

Перед тем как покинуть остров, Гаруда спросил у матери, почему юн должен был перевозить змей. Мать со вздохом рассказала ему, как она попала в рабство к сестре, и объяснила, что согласно законам богов сын рабыни также раб. Тогда обратился Гаруда к змеям: «Как мне избавить мать и себя от рабства?» Подумав, змеи сказали: «Добудь нам амриту. И мы избавим твою мать и тебя от неволи». Прощаясь с сыном, Вината его благословила:

Успеха тебе, ненаглядный Гаруда!

Пусть крылья твои охраняет Марута,

Пусть солнце и Агни хранят твоё тело,

А месяц следит за спиной твоей белой!

Выслушав эти слова, Гаруда расправил крылья и взлетел.

Всполошились боги, услышав шум гигантских крыльев. Но лишь Вишну понял, как велика грозящая опасность. Узнав от мудреца, что Гаруда собирается похитить амриту, Вишну призвал богов к бою. И боги немедля встали в строй. Огнем пылали их светлые лица. Каждый потрясал своим оружием. В руках Вишну была булава, Агни на красном коне оцетинился огненными копьями. Рядом с ним стал тысячеглазый неистовый Ваю. Сколько развеял он царств! Каких героев обратил в прах! По соседству с Ваю пристроились неразлучные Ашвины на белых конях. Волосы их пламенели медью. На белых шеях красовались гирлянды цветов.

Внезапно поднялся вихрь. Столбы пыли взметнулись до Сурьи, и стало темно. Не смогли боги увидеть Гаруду, но ощутили могучие удары. Клюв и когти долбили и пробивали доспехи, терзали и рвали тела. Строй был смят в одно мгновение. Разбросанные кто куда, боги пытались поразить невидимого врага тучей копий и стрел, но они не причиняли гигантской птице вреда, вызывая лишь еще большую ее ярость. Тогда Вишну призвал на помощь реки. Агни же обратил против Гаруды пламя. Гаруда, поглотив воду тысячи рек, залил ею пламя. Поняв, что помощи ждать неоткуда, бессмертные пустились наутек.

Гаруда не стал их догонять. Он знал, что невозможно убить выпивших амриту. Но где же спрятан напиток бессмертия?

Взор привлекло колесо, закрывающее отверстие в скале. Сияющее лучами, оно вращалось, и каждая спица его была заточена с обеих сторон. Ни человеку, ни зверю через него не проскочить, но малая пташка сумеет пролететь, если не допустит ошибки. Гаруда превратился в птичку и, точно выбрав момент, проскользнул между бешено вращающимися спицами. Тотчас из мрака пещеры выступили драконы с огненными немигающими глазами, с языками, подобными молниям, — стражи амриты. Приняв первоначальный облик, Гаруда засыпал чудовищам глаза пылью и растерзал их в клочья.

Схватив амриту, Гаруда разрушил колесо и понесся, затмевая блеск солнца. В ликовании он не заметил, что за ним гонится Индра. Он понял это, лишь

ощутив удар его громовой стрелы. Смеясь, он крикнул:

— Ты мне не страшен! Я бросаю перо, которого тебе не достать.

Увидел это перо Индра и сказал, восхищенный:

— О прекрасноперый! Я желаю вечной дружбы с тобой.

— Согласен! — крикнул Гаруда. — Знай же, если захочу, то смогу поднять на одном этом пере все: землю, Океан и тебя вместе с ними.

Так, примирившись, они полетели рядом. Внизу, окруженный жемчужной короной прибоя, показался Змеиный остров. Опустившись, они разделились. Гаруда отправился к змеям, Индра спрятался за деревом.

При виде Гаруды змеи сползли со всех уголков острова на поляну.

— Вот вам амрита! — обратился Гаруда к своим недругам. — Я ставлю ее на траву.

— Теперь ты и твоя мать свободны! — важно ответил старший из сыновей Кадры.

Пока Гаруда направился к Винате, змеи поползли к реке, чтобы перед вкушением амриты совершить омовение. Вернувшись, они не нашли амриты. Ее забрал и унес в свое царство Индра. Но запах напитка бессмертия наполнил всю поляну. Пахла ею и трава, на которой стоял сосуд. Стали змеи лизать эту траву, и у многих из них раздвоились языки.

— Лижите! Лижите! — крикнул им Гаруда с высоты. — Я еще к вам вернусь!